

АЛЪМАНАХЪ ВСЕМИРНАГО ОБТРОУМІЯ

№1

Альманах всемирного остроумия №1

«Остеон-Групп»

Альманах всемирного остроумия №1 / «Остеон-Групп» ,

Превосходный сборник шуток, острот, афоризмов, остроумных высказываний выдающихся деятелей прошлого: царей, королей, принцев и полководцев, шутов и актёров. Впервые вышедший в свет в самом начале XX века, этот сборник сразу привлек внимание ценителей острого словца и стал пользоваться заслуженной популярностью. Однако и в наши дни эти лукавые строки не кажутся архаичными — ведь над хорошей шуткой и метким словцом время не властно!

Содержание

Собрание перлов всемирного остроумия составленное В. Поповым	5
Глава 1. Остроумие и юмор из Всемирной истории	7
Цари и короли старины и древности	7
На всякого мудреца...	9
Все эти Людовики	11
Версальские весёлости	20
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Альманах Всемирного остроумия № 1

Шутки и остроты разных времён, народов и личностей

Собрание перлов всемирного остроумия составленное В. Поповым

О роли остроумия в истории человечества

Нужно учредить Нобелевскую премию за остроумие. Без физиков, химиков, экономистов мы, если прижмёт, как-нибудь обойдемся. Без мира обычно тоже обходимся. Без остроумия – пропадем.
Джордж Ф. Уилл

Существует притча об Истине, законной супруге Разума, которая, преследуемая вечной своей соперницей, наруганной и разукрашенной Ложью, призвала на помощь Остроумие, и оно посоветовало Истине «стать дипломатичной», надеть на себя платье Лжи, прибегая к разного рода приятным вымыслам, дабы иметь успех, так как «истина всухомятку невкусна», и горькую правду надо подслащать. Это притча о значении остроумия, которое пользуется условным вымыслом для успеха истины.

В 1639 г. итальянец Перегрини опубликовал книгу «Об остроумии» (Delle acutezze), в которой порицает модное злоупотребление остроумием у современных поэтов как порчу вкуса.

Через три года в трактате на ту же тему («Остроумие или Искусство изощренного ума») Бальтазар Грасиан явно имеет в виду своего предшественника-итальянца (не устаивая даже указать его имя), с пренебрежением и вскользь упоминая о «чудовище, антипode таланта», о «человеке, чей ум – бесплодная пустыня», высказавшем «не парадокс, а невежественное мнение, осуждающее остроты», тогда как «остроумие – это жизнь стиля, дух речей»; ибо «слова то же, что листья дерева, а острые мысли – его плоды» (LX).

Таким образом у Бальтазара Грасиана «остроумие» – это лишь одна из разновидностей комического, занимающая в художественном творчестве периферийное, даже переходное место.

И с той поры человечество не устает собирать перлы остроумия, старинные, но весьма меткие остроты, высказывания, исторические анекдоты и высказывания «людей великих, средних и мелких», а порой и не людей вовсе, а отдельные высказывания, которые тем не менее имеют право на жизнь, поскольку уже живут в общественном сознании.

Потому на свете и появилась эта книга, в которой собраны остроты и курьёзные высказывания самых разных людей, большей частью оставивших по себе сколько-нибудь заметный след в истории человечества. Впрочем попадают и такие, которые по себе вовсе никакой славы не оставили, ни хорошей, ни худой, так разве что – забавное высказывание – тоже само по себе слава. Ведь бывают иногда глупости такие удачные и заключающие в себе столько натуральной остроты, что, право, иной умник охотно купил бы их, чтобы выдать потом за свои. Это было постоянным мнением известного своим умом аббата Вуазенна, жившего в блестящую эпоху XVIII века.

Читайте же эту забавную и остроумную книгу и продолжайте ее, ибо с той поры как она была написана, в свете прибавилось и ума, и глупости.

* * *

Глава 1. Остроумие и юмор из Всемирной истории

Острота – это неожиданное бракосочетание двух идей, которые до свадьбы даже не были знакомы.

Марк Твен

Цари и короли старины и древности

Коринфяне, сделав Александра Македонского гражданином своего города, уверяли его, что этим они почтили его, как Геракла. – «По правде, господа, – сказал им этот завоеватель, – в чести, оказанной мне вами, мне нравится только сравнение».

* * *

Ганнибал советовал царю Прузию дать неприятелю сражение. – «Я не могу, – отвечал царь, – внутренности жертвы не предвещают мне ничего доброго». – «Как! – живо возразил Ганнибал, – разве вы больше доверяете падали, нежели опытному полководцу?»

* * *

Веспасиан, умирая, сказал одному из своих друзей, тонко подсмеиваясь над лестью римлян, творивших богов из своих усопших императоров: – «Я чувствую, что становлюсь богом!»

* * *

Император Август охотно отправлялся кушать ко всем, приглашавшим его. Один гражданин пригласил его однажды на ужин и угостил его очень простыми блюдами. Владыке мира пришлось довольствоваться лишь самым неприхотливым угощением. Уходя, он сказал: – «Я не думал, что мы такие короткие приятели».

* * *

Китайский император говорил одному из своих историографов:

«Я вам запрещаю более говорить обо мне».

Мандарин стал тотчас писать. – «Что вы делаете?» – спросил император. – «Я записываю приказание, которое ваше величество только что отдали мне».

* * *

Сиамский король Лагу был однажды разбужен ревом осла и благодаря этому избежал от верной смерти, которую готовил ему один из самых злейших врагов его, закрывшийся во дворец. Повелитель счастливых сиамцев, в знак признательности к длинноухому животному, приказал, чтобы в его государстве отныне осел был почитаем как священное животное и чтоб имя его придаваемо было людям, пользующимся какими нибудь особенными преимуществами и служило указанием их высокого сана. Вскоре по обнаружении этой воли его сиамского

величества ко дворцу прибыл китайский посланник. Обер-церемониймейстер доложил королю следующим образом: «Могущественный Лагу, повелитель вселенной, царь белых слонов, блюститель правосудия и хранитель священного зуба! Из Китая прибыл превеличайший осел и желает предстать пред светлые очи твоего величества!...» Король махнул рукой, и посол, пожалованный в ослы, был допущен в королевскую палату.

* * *

Князь Милош Обренович, достойный правитель Сербии, был однажды, в сороковых годах, призван к визирю Хуршид-паше.

– Знаешь ли, – грозно сказал ему паша, – что ты теперь в моей власти, и что я могу умертвить тебя?

– Знаю! – твердо отвечал благородный сербский вождь; – но ты этим ничего не выиграешь: тридцать шесть тысяч моих соотчиков жаждут случая заступить мое место. В числе их нет и одного, который бы был хуже меня.

* * *

На всякого мудреца...

Философ Зенон находился в очень коротких отношениях с Антигоном, царем Македонии, и сильно порицал омерзительную страсть этого государя к вину. Однажды монарх, будучи пьян, приближается к мудрецу и обнимает его, говоря: – «Мой милый Зенон, проси у меня чего хочешь, и я все дам тебе». – «Ну, так я вас прошу, – отвечал Зенон, – чтоб вы теперь же пошли протрезвиться».

* * *

Зенон, один из семи мудрецов Греции, имел обыкновение говорить, что если б ученые и люди умные не были способны ощущать любви, никто бы более красавиц не был бы достоин сожаления, потому что они были бы принуждены довольствоваться любовью одних глупцов.

* * *

Цицерон рассказывает, что кому-то приснилось во сне, что он ест яйцо. Встав, он отправился к снотолкователю, который объяснил ему, что белок означал серебро, а желток – золото, которые он должен получить. В скором времени он действительно получил наследство золотом и серебром. Желая отблагодарить снотолкователя, он пришел к нему и подарил серебряную монету. Провожая его, снотолкователь спросил: – «А от желтка ничего не осталось? – «*nihil de vitello?*».

* * *

Однажды Сократу, у которого в гостях был приятель, надоело ворчанье жены его – Ксантиппы. Он вышел из дома и под окном продолжал беседу с другом. Вдруг из окна его облили помоями. Приятель заметил в окне Ксантиппу и выразил удивление по этому поводу. – «Не удивляйся, друг мой, – сказал Сократ, – после грома всегда бывает дождь».

* * *

Кто-то говорил древнему философу Менедему: «Великое благо – иметь то, что желаешь». – «Есть высшее благо, – отвечал философ, – не желать ничего, кроме того, что имеешь».

* * *

Молодой человек хвастался пред Аристиппом¹, что много читал. – «Не те, – отвечал ему философ, – сами полные и здоровые, которые много едят, а те, которые хорошо переваривают принятую ими пищу».

¹ Аристипп (греч. Ἀριότιππος, лат. Aristippos) (ок. 435 – ок. 355 до н. э.) – древнегреческий философ из Кирены в Северной Африке, основатель киренской, или гедонической, школы, ученик и друг Сократа, с софистическим уклоном.

* * *

Некий мот жаловался Сократу, что у него вечно не хватает денег. «Займите у себя, сократив свои расходы», – отвечал ему мудрец.

* * *

Софокл сказал однажды, что три стиха стоили ему трех дней труда. – «Трех дней! – воскликнул некий посредственный поэт, услышавший эти слова. – Да я в это время написал бы сто». – «Да, – отвечал Софокл, – но они и просуществовали бы только три дня».

* * *

Цицерон оказал: – «Нет такой глупости, которую бы не поддерживал какой-нибудь философ».

* * *

Все эти Людовики

«Надо подождать, они еще сердиты» – слова самой гениальной умеренности, которые сказал Генрих придворному, сообщавшему ему, что были еще провинции во Франции, в которых народ отказывался молиться его Богу в общественных богослужениях.

* * *

В течение тридцати лет, которыми Сюлли² пережил Генриха IV, он редко появлялся при дворе. Людовик XIII послал однажды за ним, чтоб посоветоваться о делах; он отправился, хотя и против желания. Молодые придворные старались посмеяться над его старомодным платьем, которое он никогда не покидал, над его важным видом и его манерами, походившими на манеры прошедшего столетия. Сюлли, заметив это, сказал королю: – «Государь, когда ваш батюшка, блаженной памяти, оказывал мне честь совещаться со мной о важных делах своего государства, то он предварительно отсылал всех шутов и паяцев в переднюю».

* * *

Аббат Бове, сын шляпника и сначала сам учившийся этому мастерству, вступив в духовное звание, решился или завоевать епископство, или попасть в Бастилию. Раз в последние годы царствования Людовика XIII, призванный в Версаль, чтоб проповедовать в присутствии короля, он громко восстал против беспутной жизни некоторых стариков. Король, не желая применить к себе слова Бове, обернулся к Ришелье и сказал ему: «Мне кажется, Ришелье, этот проповедник накидал порядочно камней в ваш огород.» – «Да, ваше величество, – отвечал Ришелье, и он бросал их так сильно, что они из моего огорода отскакивали в самый Версальский парк.» – Бове был сделан епископом в Сене, и тогда «камни» его приняли другое направление.

* * *

Людовик XI до того боялся смерти, что в молитвах, которые он заказывал за себя, он не хотел, чтоб для него просили у Бога чего-либо кроме здоровья. Дав обет быть у св. Эвтропия и когда священник к молитве о здоровье душевном присовокупил и молитву о здоровье телесном, Людовик XI сказал ему: – «Не просите столько зараз, чтоб не надоест: удовольствуйтесь на этот раз получить молитвами святого здоровье тела».

* * *

Людовик XV в определенные дни приезжал в комитет иностранных дел. Лыстецы положили однажды на письменный стол, за которым король обыкновенно занимался делами, сочинение, содержащее в себе пышную похвалу добродетелям и воинским качествам этого государя. На его бумагу положили также очки, которые король употреблял для чтения. Король

² Сюлли Максимилиан де Бетюн (герцог Sully, барон Рони [Rosny]) – знаменитый франц. государственный деятель (1560–1651) – глава французского правительства при короле Генрихе IV. В 1601 году был назначен главным начальником артиллерии и инспектором всех крепостей; в 1606 году Генрих наградил его титулом герцога. Честный, бережливый, сурово-прямодушный, неутомимо деятельный, Сюлли удержался во главе управления до самой смерти Генриха IV, несмотря на придворные интриги. Генрих ценил его преданность и нередко отказывался по его совету от легкомысленных затей.

приходит в комнату присутствия, садится к столу, надевает очки и, прочитав бумагу, исполненную самой приторной лести, говорит окружающим его: – «Какие дурные очки! Они уж черезчур увеличивают!»

* * *

Один очень красноречивый прелат, в середине речи, которую он говорил Людовику XIV, несмотря на свою привычку говорить публично, смутился. Государь с тем видом благородства и величия, который он так ловко умел принимать, сказал ему; – «Мы, счастливы, милостивый государь, что ваша память дает нам время восхищаться теми прелестными вещами, о которых вы нам говорили».

* * *

В сражении при Бренвилле, в 1111-м году, английский кавалерист бросился на Людовика Толстого, короля Французского. Схватив лошадь за узду, он уже воскликнул: – «Король в плену!» – как вдруг меч Людовика поразил его. «Заметь, – сказал король хладнокровно, что королей никогда не берут в плен, даже в шахматной игре.»

* * *

Однажды королю Людовику XVIII была представлена депутация от провинциальной школы. Король принял педагогов весьма ласково и спросил их между прочим: – «А есть ли между вами эллинисты?» – «Никак нет, ваше величество, мы давно прогнали их из училища. Во всей вашей области не найдется и трех человек, которые бы интересовались узником Св. Елены». – Король едва мог удержаться от смеха при таком недоразумении господ депутатов.

* * *

Франциск I не очень спокойно переносил то обстоятельство, что короли испанский и португальский делили Америку исключительно между собой. – «Я бы очень желал видеть, – говаривал он, – ту статью духовного завещания праотца нашего Адама, которая оставляет им одним это огромное наследство».

* * *

Несколько придворных дам, сильно набеленных нарумяненных, присутствовали при аудиенции, данной королем Людовиком XV турецкому посланнику. Кто-то спросил посла, что он скажет о красоте этих дам? «Ничего не могу сказать, – отвечал тот. – Я не знаток в живописи».

* * *

Людовик XIV говорил однажды о власти, которую короли имели над своими подданными; граф Гюш осмелился доказывать, что эта власть имела границы; но король, не желая допустить никаких ограничений этой власти, сказал увлекшись: – «Если б я вам приказал броситься в море, вы должны были бы, не раздумывая ни минуты, броситься, и к тому еще вперед

головую». Тот, вместо ответа, быстро повернулся и направился к дверям. Удивленный король спросил, куда он пошел. – «Я иду учиться плавать», – отвечал граф. Людовик XIV засмеялся, и разговор этот прекратился.

* * *

Людовик XV, проходя мимо гренадеров своей гвардии, сказал сопровождавшему его английскому послу: – «Вы видите храбрейших людей моего государства; между ними нет ни одного не покрытого ранами». – «Государь, отвечал лорд, – что должно думать ваше величество о тех, которые их ранили?» – «Они умерли!» – вскрикнул кто-то из гренадер.

* * *

Известный французский историк, Пеллисон, работал над историей Людовика XIV. Однажды, этот монарх спросил его, каким образом он изложит его отношения к госпоже Монтеспан. – «Государь, – отвечал историк-царедворец, – надо же, чтоб в вашей истории было что-нибудь и человеческое; иначе ей не поверят».

* * *

Однажды знаменитый адмирал Дюге-Труэн рассказывал, в присутствии французского короля Людовика XIV об одном блистательном морском сражении, в котором между прочими судами участвовал корабль «Слава». Людовик очень любил слушать рассказы храброго моряка, и когда Дюге-Труэн произнес: «В эту минуту я приказал «Славе» идти за собою...» – «Она так буквально повиновалась, – подхватил король, – что с тех пор следует за вами повсюду!»

* * *

Людовик XI любил шутки, не исключая и тех, который были на его счет. Известно, что государь этот, будучи о себе чересчур большого мнения, редко совещался с кем-либо, что раз и дал ему понять его любимец, Пьер Боссе. Однажды король ехал на иноходце, которого он предпочитал всем лошадям своей конюшни за его покойную поступь. – «Как ни малосилен, по-видимому, этот иноходец, – сказал Боссе королю, – однако вряд ли можно найти более сильное животное, потому что оно одно везет короля и весь его совет».

* * *

Крилон, тот храбрец, храбростью которого Генрих IV часто пользовался, но которому он не мог платить, сказал ему однажды: – «Государь, три слова! – деньги или отставку!» – «Крилон, – отвечал король, – четыре слова: ни того, ни другого». Несколько дней спустя, король наградил его сообразно его долгой и полезной службе.

* * *

Отец Котон, тонкий и хитрый иезуит, имел большое влияние на Генриха IV, что дало в то время повод к следующей игре слов: – «Наш король – добрый государь: он любит правду. Жаль только, что у него ушах хлопчатая бумага!»

* * *

Кардинал Ришелье, увеличив пенсию академика Вожела, сказал ему весьма ласково: – «Вы не забудете, милостивый государь, в словаре, над которым вы трудитесь, слово: пенсия». – «Нет, ваше высокопреосвященство, – отвечал ему Вожела, – но я еще лучше буду помнить слово – благодарность».

* * *

Какой-то маркиз расхваливал раз королеве, жене Людовика XV, какое-то прекрасное лекарство, секрет которого был известен ему одному и которое он заставил принять своего друга, бывшего при последних минутах. – «Друг ваш выздоровел?» – спросила королева. – «Ваше величество, на другой день, когда я пришел к нему, его уже не было дома». – «Как, не было дома?» – «Точно так, государыня, его повезли хоронить».

* * *

Знаменитый скрипач Лицинский чересчур любил мадеру и бордосские вина. Он должен был играть в Сен-Клу и явился к Людовику XVIII в нетрезвом виде. – «Откуда ты?» – спросил его король. – «С обеда», – отвечал знаменитый музыкант. – «На подобных обедах ты можешь потерять славу!» – «Что за беда? – прервал музыкант, – меня мучила жажда». – «Ну смотри, – сказал Людовик XVIII, – чтоб эта жажда не уморила тебя с голоду».

* * *

Смерть г-жи Шатору, фаворитки Людовика XV, произвела странное впечатление на воображение королевы Марии Лещинской³. В первую ночь, которую она проводила, узнав об этой, почти мгновенной смерти, она не могла заснуть и заставила сидеть около себя одну из своих женщин, старавшуюся успокоить ее рассказами историй, подобных тем, которые няньки рассказывают детям. Уже было три часа пополуночи, и женщина, звавшаяся Буаро, очень наивная, говорила ей: – «Что с вами, ваше величество, делается в эту ночь? Не надо ли разбудить доктора?» – «О, нет, моя добрая Буаро, я не больна; но эта несчастная г-жа Шатору, ну, если б она пришла?!» – «О, Иисусе Христе! – отвечала ей Буаро, потерявшая всякое терпение, – если б г-жа Шатору и пришла, то уж, наверное, не за вашим величеством».

* * *

Людовик XIV, показывая герцогу Вивонскому новые строения в Версале, оказал: – «Вы помните, что на этом месте была мельница?» – «Точно так, государь, здесь нет уже мельницы, но ветер остался».

³ Мария Лещинская (польск. Maria Katarzyna Leszczyńska, фр. Marie Leszczyńska, 1703–1768) – королева Франции, супруга короля Людовика XV.

* * *

После похоронной церемонии, бывшей в Сен-Дени по случаю погребения Людовика XVIII, обер-церемониймейстер пришел к королю Карлу X. В службе произошло некоторое смятение по случаю небольшого недоразумения между двумя прелатами. – «Ваше величество, – сказал тогда Грe-Брезе, – правда, что были некоторые неточности; но, ваше величество, можете быть уверены, что в следующий раз их не будет».

* * *

Старый австрийский фельдмаршал, будучи представлен королем Марии Антуанетте, во время представления говорил ни о чем другом, как о своих двух старых лошадях, которых он страстно любил. В другой приемный день королева, затрудняясь разговором, который она должна была с ним вести, спросила его, которой из двух своих лошадей он отдает преимущество. – «Государыня, – возразил он с комической важностью, – если в день битвы я взлезал на мою пегую лошадь, то не стал бы слезать с нее, чтоб сесть на мою карюю лошадь; и если я садился на карюю, то не слезал бы с нее, чтоб сесть на пегую». – После минутного молчания заговорили о придворных дамах; две из них считались в числе самых красивых. Королева спросила одного из своих камергеров, сидевшего около нее, его мнение об этих двух дамах. Веселый камергер, принимая важный вид австрийского фельдмаршала, тотчас отвечал: – «Государыня, если бы в день битвы я взлезал на...» – «Довольно, довольно!» – крикнула ему, хохоча, королева, которая, как известно, не прочь была позубоскалить.

* * *

Марсельские депутаты, желал приветствовать Генриха IV и воспользоваться своей ученостью при этом случае, начали свою речь так: – «Аннибал, отправляясь из Карфагена...» – На этих словах, государь, прерывая их, сказал: – «Аннибал, отправляясь из Карфагена, пообедал, почему и я хочу сделать то же самое».

* * *

Людовик XIV, будучи однажды в Трианоне, который строил Лувуа, заметил кривизну в одной раме. Он рассердился на распорядителя. Гордый министр, чтоб помешать ему приезжать впредь смотреть, прямо ли, криво ли выстроены рамы, заставил всю Европу объявить ему войну, Эта черта, которой трудно поверить, была засвидетельствована герцогом Эгильоном в Национальном собрании, когда был поднят вопрос о праве объявлять войну и мир.

* * *

Людовик XIV вызвал из Рима в Париж знаменитого кавалера Бернини или Бervена, в надежде, что он поправит планы, которые Клавдий Перро, так несправедливо осмеянный Депрео, представил для окончания достройки Лувра. Как только итальянский архитектор рассмотрел работы французского архитектора, он вскрикнул: «Когда имеют у себя подобных людей, зачем же искать их в другом месте?»

* * *

Филипп IV⁴, потеряв королевство Португальское и еще некоторые провинции, осмелился принять титул Великого. Герцог Медина-Цели сказал по этому случаю: «Наш государь походит на яму, которая увеличивается по мере того, как из нее берут землю».

* * *

Людвиг XIV говорил герцогу Вивонскому: – «Не находите ли вы удивительным, что г-н Шамбер, родом немец, натурализовался голландцем, англичанином, португальцем и французом?» – «Ваше величество, – отвечал герцог, – это просто человек, пробующий все национальности, чтобы жить»,

* * *

Людвиг XIV, читая знаменитому стихотворцу XVII века, Буало, свои стихи, просил его сказать его мнение о них. – «Государь, – отвечал Буало, – для вашего величества нет ничего невозможного: вам пришло желание написать вирши, и вы исполнили его».

* * *

Карл XII одному из своих секретарей диктовал письмо. Бомба упала в палатку и лопнула у ног секретаря, который остановился. – «Что вы написали?» – спросил король. – «Но бомба, ваше величество?» – «Что же вы находите общего между бомбой и письмом, которое я вам диктую? Продолжайте...»

* * *

Фердинанд Кортес, по возвращении своем из Мексики, был удален от Филиппа II его министрами и, не имея возможности представиться ему, он подошел при его проходе по улице и сказал: – «Государь, я – Фердинанд Кортес; я приобрел вашему величеству более сокровищ, чем оно получило в наследство от императора Карла Пятого, своего отца, и я умираю с голода».

* * *

Людвиг XIV подсмеивался над чрезвычайной тупостью герцога Вивонского в присутствии герцога Омальского, который был не менее толст, и упрекал его в недостатке движения. – «Государь, – отвечал герцог, – это злословие; не проходит ни одного дня, чтоб к не обошел по крайней мере три раза вокруг моего двоюродного брата герцога Омальского».

⁴ Филипп IV (исп. Felipe IV, 1605–1665) – король Испании с 31 марта 1621 года, король Португалии и Алгарве с 31 марта 1621 по 1 декабря 1640 года, как Филипп III, португальский Filipe III. Из династии Габсбургов.

* * *

Людовику XIV пришли сказать, что кардинал Мазарини отдал Богу душу. – «Государь, – сказал один из придворных, – я сомневаюсь, чтобы Бог ее принял».

* * *

Лакей императора римского Карла V вбегает поспешно в его молельню, опрокидывает стол и разбивает тридцать часов, разложенных государем на столе, Карл засмеялся. – «Ты счастливее меня, – сказал ое лакею, – ты нашел секрет того, как согласить их все».

* * *

Уверяют, что Франциск I, желая заставить поплакать своего канистра Дюпрэ, который со званием канцлера соединял звания аббата, архиепископа, кардинала и папского легата, объявил ему о внезапной кончине папы. – «Государь, – сказал Дюпрэ, – ничего нет необходимого для государства, как, чтобы на первосвященническое седалище был посажен подданный, совершенно преданный вашему величеству». – «А что, если б посадить тебя? – сказал король. – Но ты знаешь, что для того, чтоб удовлетворить аппетиту кардиналов, нужны значительные суммы, а что касается до подарков им, то я не могу дать их». – Дюпрэ приказал привезти из своего дворца две бочки золота во дворец. – «Этого достаточно, – сказал Франциск. – Я о своей стороны прибавлю, что буду в силах». – Между тем частные письма известили, что папа находится в вожделенном здоровье и Дюпрэ стал просить короля о возвращении ему его бочек. Король сказал ему: – «Я сделаю выговор моему посланнику; но потерпи немного, если папа не умер, то умрет».

* * *

В день Эгнадельской битвы с венецианцами, Людовик XII⁵ постоянно устремлялся в места, где грозила наибольшая опасность. Некоторые придворные, следовавшие за ним по обязанности службы, желая скрыть свою трусость под благовидным предлогом, – прикрываясь пламенным желанием сохранить драгоценные дни государя, – заметили ему об опасности, которой он подвергался! Король, понявший причину их заботливости, отвечал им: – «Пусть те которые боятся, спрячутся за меня».

* * *

Офицер времен Людовика XII сильно хвастался своими подвигами и кичился раной на лице. Людовик XII, знавший, что он далеко не храбрец, сказал: «Он сам виноват, что ранен: зачем оглядывался назад».

⁵ Людовик XII (фр. Louis XII), по прозвищу Отец народа (фр. le Père du peuple; 27 июня 1462 – 1 января 1515) – король Франции с 7 апреля 1498 года. Из Орлеанской ветви династии Валуа, сын герцога Карла Орлеанского. Основное событие его царствования – войны, которые Франция вела на территории Италии.

* * *

Несколько времени спустя после битвы при Фонтене Людовик XV, поздравляя маршала Саксонского по случаю этого события, сказал ему: «Господин маршал, в эту войну вы выиграли больше нас всех, потому что до нее у вас была опухоль всех членов, а теперь вы наслаждаетесь прекрасным здоровьем». – «Правда, государь, – сказал маршал Ноэль, присутствовавший при этом, – что господин маршал первый, которого слава не раздула».

* * *

Один заслуженный полковник просил короля Людовика XIV о какой-то награде. – «Мы подумаем!» – отвечал король, которому наушники оклеветали бедного старика. – «Смею попросить только, ваше величество, заметить, что для меня время дорого!» – сказал смело полковник, снимая парик и обнаруживая свои седины. Король был тронут и немедленно исполнил его просьбы.

* * *

Некий офицер подал Генриху IV просьбу, в которой объяснил, что, получив на его службе много ран, нуждался в пособии. Король, прочитав просьбу, сказал: «Посмотрим!» – «От вас зависит увидеть это сию же минуту», – отвечал проситель, раскрывая свою сорочку и показывая рубцы, покрывавшие его тело.

* * *

В 1763 году, молодая и очень хорошенькая женщина, жена богатого голландского банкира Патера, приехала в Париж вместе с своим мужем. Ее ум и красота наделали много шума; ей писались мадригалы, а мужу ее сыпались эпиграммы. Нисколько вельмож приехали представиться г-ну Патеру, и так как этот светский обычай продолжался слишком долго, то наш добряк, утомленный многочисленностью гостей, в конце концов сказал им: – «Господа, я вам очень благодарен за оказываемую мне честь вашими посещениями; но я не думаю, чтоб они доставляли вам удовольствие – я целый провожу у госпожи Патер, а ночью я сплю с ней».

* * *

Одна королева без короны проживала в Пале-Рояле. Выйдя однажды вечером из своих покоев, она встретила длинный ряд людей, вытянувшихся в ряд. Тронутая вниманием к себе, как она думала, бывшее величество сказала одному из своих придворных: – «Прикажите допустить этих честных и добрых людей», – «Сударыня, – отвечали ей, – эти честные люди находятся здесь не для созерцания вашего величества, она ждут открытия театральной кассы».

* * *

«Тот, кому воздают незаслуженные им похвалы, должен принимать их в виде поучений, – говорил Карл V.

* * *

Офицер Орлеанского полка, посланный с радостною вестью к Людовику XV, просил ордена Почетного легиона. – «Вы еще молоды», – отвечал король. – «Правда, ваше величество, но в нашем полку люди не живут долго», – возразил храбрый воин.

* * *

Арелотто Менарди, известный плут и остряк Испании, имел книгу, в которую записывал все нелепости, шутки и анекдоты, которые случалось ему услышать. Король Аррагонский, услышав об этой «Дурацкой Хронике», как назывался этот сборник, проезжая через Санта-Кресчи, местожительство Менарди, велел призвать его к себе и показать себе книгу. Каково же было его удивление, когда он нашел в ней и свое имя. Король спросил: «Что это значит?» – «Разве ваше величество не дали одному немцу, Дитриху, 5000 червонцев на покупку за границей лошадей?» – «Дал». – «Ну, так не глупо ли доверять иностранцу такую большую сумму?» – «А если немец возвратится?» – спросил король. – «Тогда я вычеркну ваше имя и заменю его именем немца, ибо в таком случай он поступит еще глупее вашего».

* * *

Версальские весёлости

Версальские веселости, за двести лет до наших дней происходили, обыкновенно, на счет провинциалов, составлявших второй и третий разряд депутатов в дворянском собрании. Мэр города Тура, замеченный потом в свете своим умом, сидя за столом на званом обеде между двумя молодыми придворными, старавшимися его одурачить, сказал им:

– Господа, при всей моей неловкости, я вижу, что вы хотите посмеяться надо мной, а потому, чтобы доставить вам удовольствие, я скажу вам мою настоящую цену: я не дурак и не фат, я только занимаю место между ними.

* * *

Один хвастливый и трусливый генерал французской армии времен Людовика XV, носил пред войском свою шляпу *a la tarageuse*, т. е. кокардой назад.

– Эта кокарда, – заметил один из его офицеров, – часто видела врага.

* * *

Знаменитый польский магнат XVIII века Карл Радзивилл, воевода виленский, чрезвычайно любил шутки и невинную и забавную ложь, в роде «не любо – не слушай, врать не мешай». Однажды спросил у него король польский Станислав Понятовский: – «Жива ли, князь, ваша знаменитая борзая собака, о которой вы мне рассказывали чудеса?» – «Жива, ваше величество, но ослепла». – «Так уже она больше не может ловить зайцев дюжинами?» – промолвил король. – «Извините, ваше величество, – сказал Радзивилл, – слепота не помеха: выезжая на охоту, я привязываю на шею моей слепой борзой собаки зрячую болонку, и дело идет по-прежнему».

* * *

По возвращении Бурбонов в Париж, многие из прежних чиновников лишились мест, без всякой причины, единственно для очистки вакансий. Новый начальник тюльрийской библиотеки призвал к себе одного из библиотекарей и спросил его: – «Знаете ли вы латинский и греческий языки?» – «Нет». – «Так извольте подавать в отставку: мне на вашем месте нужен человек, знающий древние языки». – «Извините, я не подам в отставку, – отвечал чиновник: – я нахожусь при отделении французских книг, где вовсе не нужно знания древних языков, служу честно и усердно пятнадцать лет, и вовсе не намерен оставлять этого места». – «Я вам приказываю подать в отставку», – сказал гневно начальник. – «Не подам». – «Так вас выгонят». – «Увидим». – «Увидим!» —

Чиновник вышел из кабинета.

На другой день позвали его к начальнику тюльрийского управления, который сказал ему грозно: – «Извольте сейчас же, сию же минуту подать в отставку, не то я вас выгоню!» – «Не подам в отставку, и вы меня не выгоните. Если я виновен в чем-либо – отдайте меня под суд, а выгонять не смеете: я служу королю, а не вам». – «Знаете ли вы, с кем говорите?» – «Знаю, что вы и герцог, и в чинах, и в милости, а все-таки в отставку не подам». – «Вот же я с вами справлюсь, бунтовщик этакий! Вон! Идите вон!» – Чиновник вышел. В приемном зале его встретил и остановил секретарь главного начальника и сказал: – «Что это вы наделали? Как это вы позволили себе противиться воле начальника?..» – «Потому что моя родная тетка

камер-фрау при герцогине Беррийской», – отвечал простодушно чиновник. – «А... мы этого вовсе не звали, – промолвил секретарь. – Извините». – На другой день начальник библиотеки приехал к бедному чиновнику, стал извиняться, обнадежил его, что его оставят на месте, да еще и наградят, потому что все это произошло «от недоразумения, и пр. и пр.»

* * *

Караульному из швейцарцев было, однажды, при Людовике XV, запрещено впускать кого бы то ни было в Тюильри. Какой-то простолюдин подошел к входу. «Вход воспрещен», – сказал швейцарец. – «Да мне же не нужно входить, мне нужно пройти к королевскому залу. – «Ну если нужно только пройти, – прибавил швейцарец, – то вы можете пройти: проход не запрещен».

* * *

Маршалу герцогу Дюрасу в 1780 году, был поручен надзор за театрами. Журналист Линге, в одной из своих статей дурно отзывался о маршале за его нападки на одну танцовщицу. Маршал приказал сказать автору, что он изобьет его своим маршальским жезлом. – «Тем лучше, – возразил Линге, – можно, по крайней мере, будет говорить, что он хоть раз употребил свой жезл».

* * *

Несколько рыцарей мальтийского ордена рассуждали между собой о грозившей им, будто бы, опасности от турок, которые, как говорили, шли на них в числе ста тысяч. Один из рыцарей, по имени Сампсон, был чрезвычайно маленького роста. Кто-то из компании, шутя сказал: – «Господа, вам нечего страшиться; разве у нас нет Сампсона? Его одного достаточно для уничтожения всей турецкой армии». Шутка эта произвела большой смех, и рыцарь-карлик, обиженный этой насмешкой, обратился к говорившему: – «Вы правы, сударь, но, чтоб успех был вернее, мне нужно иметь одну из ваших челюстей, и я уверен, что наделаю чудес».[По библейской легенде силач Самсон истребил целое войско, сражаясь одной ослиной челюстью].

* * *

Госпожа Ментенон в одном из своих писем говорит, что где-то в деревне мужики выражали ей свои опасения насчет здоровья ее и короля, по случаю скотского падежа, свирепствовавшего тогда.

* * *

Госпожа Монтеспан, занявшая в сердце Людовика XIV место госпожи Лявальер, сделала визит своей подруге, которую не застала дома. Она приказала швейцару доложить барыне, по её возвращении, об её визите. – «Ты меня знаешь?» – прибавила она. – «Еще бы, – отвечал швейцар, – ведь вы купили должность госпожи Лявальер».

* * *

Жена маршала Люксембургского считалась другом и покровительницей литераторов. Одна из ее подруг спросила у нее однажды, для чего она сделала Лагарпа⁶ своим кавалером? – «Ах, он так хорошо подает руку, моя милая!» – отвечала она.

* * *

Шут королевы Елизаветы, Скагон, долго не смеявшийся показываться к ней на глаза за свои острые и смелые выражения, наконец, получил позволение явиться к ней. Увидев его, королева сказала: – «Не приходишь ли ты снова упрекать меня в моих ошибках?» – «Нет, ваше величество, – отвечал шут, – я не имею обыкновения говорить о том, о чем все толкуют».

* * *

Тот же Скагон взял у королевы, заимообразно, пятьсот фунтов стерлингов, уплаты которых королева, по прошествии срока, настоятельно потребовала. Узнав, что королева на другой день поедет мимо его дома, он составил план, как отделаться от платежа. Вследствие этого заказал он себе гроб, лег в него и, в ту самую минуту, когда королева проезжала мимо, велел приятелям своим вынести его из дому. «Кого хоронят?» – спросила Елизавета. – «Верного слугу вашего величества, Скагона», отвечали ей. – «Как! Скагон умер? А я и не звала даже, что он болен! Жаль!.. Хотя Скагон был дерзкий шут и остался должным мне лично пятьсот фунтов стерлингов, но я охотно бы подарила ему эти деньги, если б он только был жив». При этих словах, Скагон приподнялся в гробу, говоря: «Покорнейше благодарю ваше величество! Не удивляйтесь: милости вашего королевского величества так целебны, что даже воскрешают мертвых!»

* * *

Ривароль, знаменитый остряк при дворе Людовика XV, – довольно злобно защищался от упреков придворных в том, что получает жалованье при дворе. Он любил при этом вспоминать слова Мирабо: – «Я оплачен, но я не продан», – при чем он переставлял: – «Я продан, но не оплачен».

* * *

В одной битве французскому солдату оторвало ядром обе руки. Полковник его предложил ему червонец. – «Вы, вероятно, полагаете, – отвечал гренадер, – что я потерял перчатки?»

⁶ Лагарп Жан Франсуа (Jean Francois de La Harpe, 1739–1803) – известный французский драматург и критик. Происходил из обедневшей дворянской семьи. Дебютировал в модном жанре «героид» (подражание Овидию).

* * *

Когда Гарлей был возведен в звание старшего президента парламента, прокурорский корпус пришел просить его покровительства. – «Моего покровительства, – сказал он им, – плуты не получают, а честные люди в нем не нуждаются».

* * *

«Я очень люблю разговаривать, – говорила герцогиня Майнская госпоже Сталь, – меня слушают все, а я – никого».

* * *

Один придворный, которого принц Гастон Орлеанский очень жаловал, прогуливался с вам в самый жаркий летний полдень. Он из учтивости держал шляпу в руках. Во время разговора, принц заметил, что он любить своих друзей с жаром. – «Моя голова замечает это уже с час», – отвечал придворный.

* * *

Бурвале и Тевенин, приобревшие громадные имения при Людовик XIV, спорили между собой в одном кружке капиталистов. В разгаре спора Тевенин сказал Бурвале: – «Вспомни, что ты был моим лакеем». – «Я сознаюсь, – отвечал тот, – но если б ты был моим лакеем, то и до сих пор был бы им».

* * *

Граф Вальбель, старинный любовник госпожи Аржансон, который, как говорят, произвел не одного генерала под балдахин своей постели, просил министра дать ему какую-нибудь важную должность. – «Я вижу только две должности», – сказал ему Аржансон, – которые были бы приличны для вас: управление Бастилией или Инвалидным домом; но если я вам дам Бастилию, скажут, что я вас туда сослал; если же я вас отправлю в Инвалидный дом, то скажут, что моя жена вас туда поместила».

* * *

Один герцог, будучи вице-королем Неаполя, отправился на галеры в один из тех праздников, в которые он имел право освобождать одного из каторжников. Все те, которых он расспрашивал о роде преступлений, содеянных ими, приискивали различные предлоги для извинения своих проступков. Только один чистосердечно признался ему в своих преступлениях. – «Пусть сейчас же выгонят этого негодяя, – сказал герцог, – его сообщество способно только испортить честных людей, находящихся здесь».

* * *

Преемник герцога Вандомского в управлении провинцией принял кошелек с тысячью луидоров, который был ему поднесен, по обычаю и больше для проформы, при вступлении его в должность. – «Но, – сказали ему как-то раз, – ваш предшественник отказался бы от этого кошелька». – «О, – возразил новый губернатор, господин Вандом был неподражаемый человек».

* * *

Кто-то хвалил некоторых государственных мужей, говоря, что только они поддерживают государство. – Это справедливо, – заметил один из слушающих, – деловые люди поддерживают Францию точно так же, как веревка – повешенного».

* * *

Барон Андре, гугенот, взяв (в XVII в.) у католиков замок Монбризон, развлекал себя зрелищем бросания гарнизонных солдат в пропасть. Их взводили на платформу, устроенную над башней, и бросали вниз тех, у которых не хватало духу броситься самим. Только один солдат спас свою жизнь. Он два раза разбежался с одного конца платформы до другого и каждый раз останавливался на самом краю пропасти. Андре сказал ему сердитым голосом, что довольно двух раз искать брода. Солдат смело отвечал: – «Ну, так я вам даю найти его с четырех раз». – Ответ этот так понравился барону, что он солдата помиловал.

* * *

Пивовар Сантер играл кровавую роль во время первой французской революции. Он был начальником Тампля, где был заключен Людовик XVI и его семейство. Три раза в сутки, всегда со шляпою на голове, он входил в комнаты своих жертв и обходился с ними по-республикански. Он привел короля к суду Конвента, и 21-го января он же провожал Людовика XVI на гильотину. Когда в последний раз несчастный король хотел сказать несколько слов народу, Сантер закричал: «Вы здесь, гражданин, для того, чтоб умирать, а не для того, чтоб говорить.»

* * *

В 1861 г. в Италии появилась брошюра Марка Моне под названием: «История завоевания обеих Сицилий» и Гарибальди прислал автору следующее письмо: «Позвольте мне сделать вам небольшое замечание. Я не завоевал Сицилии, а только помогал благородному стремлению народа, который всегда желал своей свободы. В мае сицилийские патриоты помогли мне образумить бурбонских генералов, а 7-го сентября потомки Мазаниелло приготовили мой въезд в Неаполь; стало быть лишь жители Калабрии и Базиликаты имеют право на благодарность отечества.»

* * *

В 1861 году, когда знаменитый в то время Гарибальди низложил неаполитанское королевство, он скромно жил у себя на острове Капрере, где все жившие тогда с ним заняты были важным делом увеличения дома Гарибальди. Полковник Дейдери привез из Генуи план, по которому в то время работал один каменщик из Мадалены, и Гарибальди сам помогал ему. Он строил стену на развалинах ветряной мельницы, которую сам поправлял несколько лет тому назад. Рука, державшая знамя при Варезе, Коме, Калатафими, укладывала камни и возводила стену, вместе с каменщиком, который сказал: «Я вижу, генерал, что вы лучше умеете командовать войском, чем класть стену.» – «Ты прав, – отвечал Гарибальди: – я лучше буду привозить тебе камни, а ты строй.» И недавний диктатор начал возить камни на ручной тележке.

* * *

В 1815 году, во время опустошения французских музеев англичанами, Веллингтон находился у герцогини Дюра на вечере, который должен был закончиться представлением небольшой пьески. Спектакль долго не начинался, вопреки желанию английского полководца; он приблизился к сцене, устроенной в зале, и поднял угол занавеса, чтобы увидеть, скоро ли будет все готово. Госпожа Дюра тотчас крикнула ему: – «Милорд, здесь нечего взять!»

* * *

Маршал Лобау производил маневр батальону национальной гвардии во дворе Тюильри. Он скомандовал: – «Сомкнись, колонна, направо, беглым шагом, марш!» – Национальная гвардия повернула налево и побежала врассыпную. Тогда маршал начал кричать: – «Заприте решетки, не то мои утки уйдут в воду».

* * *

Герцогиня Баварская, дофина Франции в царствование Людовика XIV, была слабого здоровья, что делало ее скучной и задумчивой. Ее обвиняли в странностях и страдания ее называли притворством. «Мне совершенно понятно, – говорила она, – что я должна умереть, чтоб поправить мою репутацию.»

* * *

Французский посланник при венецианском дворе, во время аудиенции жаловался на то, что республика пославшая поздравить его государя, по случаю значительной победы, одержанной им над Испанией, в то же время послала к королю Испании заявление о своем сожалении, по случаю его потери. Дожд отвечал посланнику, что это не должно его удивлять, так как счастливейшая республика придерживается в этом случае слов Апостола: «радоваться с теми, кто в радости, и печалиться с теми, кто в печали».

* * *

Рюйтер, самый знаменитый адмирал, которого когда-либо имели голландцы, умер от раны, полученной им в битве против французов, немного времени спустя по смерти Тюренна. Госпожа Севинье, узнав эту новость и вспоминая, что после Тюренна восемь человек были возведены в маршальское достоинство, которых она величала «мелкой монетой Тюренна», язвительно сообщала об этом госпоже Гриньян: «Голландская газета сообщает, что враги потеряли на море то же, что мы на земле, и что Рюйтер был их Тюренном. Если бы голландцы могли чем-нибудь утешиться, я бы не жалела их, но я уверена, что у них никогда не хватит ума назначить зараз восемь адмиралов.

* * *

В 1682 году, епископы Франции предложили упразднить должность священников; не достигнув этого сразу, они возобновили свою просьбу во время регентства герцога Орлеанского. Этот герцог сказал им: – «Упразднение должностей священников мне кажется разумным, но упразднение епископов разве менее разумно?» – Прелаты замолчали и с тех пор не было и разговора об этом.

* * *

Антоний Левский, разговаривая однажды с Карлом V о делах в Италии, предложил ему отделаться убийством от всех князей, имевших владения. – «А что бы стало с моей душой?» – сказал ему император, – «У вас есть душа?» – возразил Антоний, – в таком случае откажитесь от империи».

* * *

Одного посланника Людовика XIII, при испанском дворе, хотели принудить воздать некоторую почесть, которая не согласовалась с инструкциями, полученными им от своего государя. Он никак не хотел подчиниться тому, чего требовали от него испанцы. Король Испании, думая привести в смущение посланника, сказал ему вслух: – «Разве у короля Франции нет другого посланника, кроме вас, которого он бы мог прислать ко мне?» – «Государь, – возразил посланник, – без сомнения у короля, моего повелителя, есть люди умнее меня, которыми он может располагать; но он думает, что по королю и посол».

* * *

Знаменитый Бюре пригласил к себе на обед герцога Шуазеля. За десертом, в январе месяце, поданы чудесные персики, отличного вкуса и очаровательного запаха. На лице все-сильного министра выразился восторг; но узнав, что эти фрукты стояли не менее луидора за штуку, сказал гордому амфитриону⁷: – «Когда я буду иметь честь получить снова от вас приглашение, то не угощайте меня такими лакомствами; по совести, они слишком дороги». – «Я должен повиноваться вам во всем, – отвечал новоявленный крез, – как ни неприятно мне в

⁷ Мифологический царь Микен, его имя стало синонимом радушного хозяина.

подобном обстоятельстве сообразоваться с вашими желаниями». В следующем году Шуазель был снова приглашен па обед к Бюре. Снег покрывал улицы Парижа; Сена замерзала. В доме Бюре герцогу представилась следующая картина: в великолепном зале смиренная королева убирала персики, еще лучше прошлогодних, небрежно наваленные в серебряные сосуды, – «Вы требовали, – сказал Бюре герцогу, – чтоб вам не подавать более персиков, я соображаюсь с желанием вашим».

* * *

В 1745 году граф Саксонский⁸, изнуренный болезнью, принял начальство над войсками в Нидерландах. «Как можете вы в таком слабом состоянии, в котором находитесь, – сказали ему, – братья за такое большое предприятие?» – «Дело не в том, чтоб жить, а чтоб ехать», – отвечал герой.

* * *

Во время отпевания тела маркизы Помпадур, муж ее, д'Этиоль, разумеется, давно утешенный и сделавшийся философом, вошел в церковь.

– Вы предъявите свои права, как наследник маркизы? – спросили его.

– Нет, я не возьму ничего, что стоило стольких слез, – отвечал д'Этиоль.

Жанна Пуассон⁹ стояла Франции тридцать шесть миллионов.

* * *

«Познакомьте меня с этим человеком, – говорил кардинал Ришелье, когда он слышал, что дурно говорят о ком-нибудь, – наверно окажется, что он не без достоинств, потому что все настроены против него».

* * *

Иоанн Фридрих, курфюрст Саксонский, попав в плен к Карлу V, гордо отвечал этому государю, грозившему ему отрубить голову: «Ваше императорское величество, вы можете сделать со мной все, что захотите, но никогда меня не устрашите». Действительно, когда пришли ему объявить его смертный приговор, он был им так мало смущен, что сказал герцогу Брауншвейгскому, с которым играл в шахматы: «Окончим партию».

* * *

Когда кардинал Мазарини почувствовал приближение своей кончины, он представил Кольбера¹⁰ Людовику XIV и сказал: «Государь, я много должен вашему величеству, но я думаю

⁸ Граф Мориц Саксонский (1696–1750) – прославленный французский полководец, маршал Франции (1744), главный маршал Франции (1747).

⁹ Жанна-Антуанетта Пуассон (фр. Jeanne-Antoinette Poisson; 1721–1764), более известная как маркиза де Помпадур (фр. marquise de Pompadour) – официальная фаворитка (с 1745) французского короля Людовика XV, на протяжении 20 лет имела огромное влияние на государственные дела.

¹⁰ Жан-Батист Кольбер (фр. Jean-Baptiste Colbert; 1619–1683) – французский государственный деятель, фактический глава правительства Людовика XIV после 1665 года. Главная должность – контролёр финансов, но также занимал и многие другие руководящие посты. Сторонник политики меркантилизма, способствовал развитию национального флота, торговли и про-

рассчитаться с вами некоторым образом, давая вам Кольбера». Впоследствии Кольбер доказал, насколько заслужил он эту похвалу.

* * *

Версальский парикмахер, имевший свое заведение по соседству с местом заседаний конституционного собрания, написал на своей вывеске: «Я брею духовенство, причесываю дворянство и чиню мещанство».

* * *

Граф Лароге, известный в царствование Людовика XV своими блестящими любовными приключениями и роскошью, поглотившей его громадное состояние, привлёк, за свою смелость в выражениях, большое количество предупреждений от полиции, которые он называл своей перепиской с королем. В одно утро он вошел к своему другу, графу Сегюру, с лицом, сиявшим радостью. – «Откуда у тебя, – спросил его Сегюр, – этот сияющий вид?» – «Друг мой! я счастливейший из людей: я окончательно разорен!» – «Вот странное, по-моему, счастье, от которого можно повеситься». – «Ты ошибаешься, мой милый! – возразил Лароге, – до тех пор пока мое состояние было только расстроено, я был завален делами, притесняем, находился между страхом и надеждой; ныне же, когда я в пух разорился, я свободен от всякого беспокойства и всякой заботы».

* * *

Жену маршала Абре, несмотря на ее утрированную набожность, знали за большую любительницу вина. Однажды, глядясь в зеркало и замечая, что нос ее чересчур красен, она спросила вслух сама себя: – «Да где же взяла я такой нос?» – «В буфете», – возразил один остро слов, который услышал ее.

* * *

По взятии Макона, герцог Ришелье¹¹ поспешно отправился в Марли, где тогда находился двор. Как только узнали, что он вошел в сад, всякий торопился к нему навстречу. Сам король пошел к нему навстречу и каждый желал слышать, что скажет монарх герою.

«Знали ли вы о смерти привратника этого замка?» – спросить Людовик XV. – «Государь, я с ним не был знаком», – отвечал Ришелье, растерявшись от такого странного приема.

* * *

Ничего нет подобного хладнокровию генерала Кюстина во время сражения. Один из его адъютантов, Барагэ-д'Илле, читал ему депешу во время битвы. Пуля пробила письмо между пальцами адъютанта. Барагэ-д'Илле останавливается в замешательстве смотрит на генерала. – «Продолжайте, – отвечал Кюстин, – пуля вырвала не более одного слова».

мышленности. Заложил экономические предпосылки для формирования Французской колониальной империи.

¹¹ Ришельё, Луи Франсуа Арман дю Плесси (1696–1788) – маршал Франции, правнучатый племянник кардинала Ришельё, знаменитый полководец и ловелас.

* * *

Бассомпьер, известный придворный и остряк времен Генриха IV, спросил однажды у капитана Стрика: который ему год? – «Право не знаю, – отвечал капитан, – и наверное не помню, а должно быть или 58, или 48» – «Как так, ты не знаешь своих лет?» – спросил, смеясь, Бассомпьер. – «А на какого черта мне знать их? – возразил старый солдат. – Я считаю свои доходы, стада и деньги, потому что их можно у меня украсть; во лет своих не поверяю никогда, потому что никто не может украсть их».

* * *

Герцог Карл Виртембергский, охотившись однажды в Шварцвальде, остановился отобедать в одной гостинице, где ему так надоели мухи, что он обратился к хозяйке и полусердито, полусутливо сказал: – «Ты бы накрыла лучше за печкой особый стол для мух; право неприлично, что они, неприглашенные, так надоедают мне». – Умная хозяйка поспешила исполнить это приказание и, приблизившись почтительно к герцогу, произнесла: – «Кушанье подано; не благоугодно ли будет вашей светлости приказать мухам отправиться к своему столу».

* * *

Французский генерал, завистник и льстец, говорил герцогу Энгиенскому, впоследствии великому Конде, только что выигравшему знаменитое сражение при Рокруа в 1643 году: – «Что могут теперь сказать завистники о вашей славе?» – «Я вас спрашиваю об этом!» – отвечал вопросом герцог.

* * *

В прежнее время в Версале существовало обыкновение, для праздника Тела Господня, снимать гобеленовые обои и развешивать их по дороге процессии. Эти обои и тогда считались вещью чрезвычайно драгоценною, а потоку для сохранения их принимались некоторые особые меры. Чаще всего около них ставили часового из солдат королевской стражи. Раз пришлось исполнять обязанность одному швейцарцу. – «Ты встанешь вот против этих обоев, – сказал ему полковник, – Ходишь ходить с ружьем взад и вперед, не показывая виду, для чего именно ты поставлен?».

Это было в одиннадцать часов утра. Процессия прошла в час, и как только она удалась, драгоценные обои сняли и внесли во дворец. Вечером в тот же день, полковник, проходя по улице, увидел солдата своего полка, преважно прогуливающегося взад и вперед с ружьем на плече. – «Что ты здесь делаешь в такую пору?» – опросил он солдата. – «Я не показываю виду, полковник, для чего я тут поставлен», – отвечал очень серьезно простоватый швейцарец ломаным французским языком. Тогда командир вспомнил приказание, отданное им поутру солдату, который так оригинально понял свою обязанность.

* * *

В несчастный день Хиарийского сражения, Катина¹², хотя и раненый, старался соединить свое войско. Один из офицеров сказал ему: «Куда хотите вы, чтоб мы шли? Смерть впереди нас». – «А стыд позади», – возразил Катина.

* * *

Герцог д'Эпернон¹³ видел постепенное падение своего кредита при дворе по мере того, как возрастал кредит кардинала Ришелье. Однажды он, сходя с лестницы сен-жерменского дворца, встретил кардинала, всходившего по ней. – «Что нового, герцог?» – спросил кардинал. – «Что вы поднимаетесь, а я спускаюсь».

¹² Николя Катина (фр. Nicolas Catinat; 1 сентября 1637 – 22 февраля 1712) – один из маршалов Людовика XIV. Несмотря на крутой нрав, Катина пользовался любовью солдат за бескорыстие и готовность разделять с ними все труды и опасности.

¹³ Жан-Луи де Ногаре де Ла Валетт, герцог д'Эпернон (фр. Jean Louis de Nogaret de La Valette, duc d'Épernon; 1554–1642) – французский вельможа, один из двух самых близких миньонов короля Генриха III («архиминьон» или «полукороль»). На протяжении нескольких лет после гибели Генриха IV – один из самых могущественных людей Франции, союзник Марии Медичи, командующий королевской пехотой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.